

Эпидемия,
которой
не было.
Начало
Аркадий Дрыжак

Аркадий Дрыжак

Эпидемия, которой не было. Начало

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68746533

SelfPub; 2023

Аннотация

Черeda жутких событий, происходящих вокруг героя книги, оказывается лишь предвестником катастрофы планетарного масштаба. Человечество оказалось на грани гибели из-за проникновения в атмосферу Земли инопланетного вируса. Спецслужбы безуспешно пытаются справиться с ситуацией. Горстка непризнанных ученых считает, что причина катастрофы кроется в самих людях.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	42
Глава 4	54

Аркадий Дрыжак

Эпидемия, которой не было. Начало

Глава 1

Виталий Петрович, хирург и онколог отделения общей хирургии Сенежанской ЦРБ, пошатываясь, шел по больничному коридору. Он почти не понимал, где находится и куда идет... Коридор был завален обломками больничной мебели, битым стеклом, телами людей..., все под осыпавшейся белой кирпичной пылью. В вечернем мраке трудно было понять, где находится теперь выход. Медленно передвигая ноги и спотыкаясь, бессмысленно глядя как бы в пустоту впереди себя, он прошел мимо выхода, забыв о своей цели. В конце коридора словно очнувшись, повернул обратно и замер. Внезапно с улицы донеслись резкие, хлопающие звуки выстрелов. В ушах зазвенело, Виталий, уткнувшись в стену издал похожий на мычание стон. В глазах засверкали яркие мушки, затошнило, ноги стали ватными, он бессильно осел, тяжело дыша... Ему показалось, что он слышит журчание ручья. В глазах стало светлеть, и почему-то вспомнился день,

его последний выходной день.

Это было чуть больше месяца назад. Был обычный, по-весеннему радостный, теплый солнечный день. Он сидел на берегу речки с удочкой, было немного скучно и одновременно радостно беззаботно. На мгновение казалось, Виталий все забыл и как будто оказался снова там, на берегу с удочками в утренней безмятежности...

Вдруг снова раздались выстрелы, затем он услышал звук, похожий на звериный вопль. Нужно было встать и найти этот чертов выход... Внезапно в глазах потемнело, ноги снова стали ватными, он осел и слабея, завалился на бок.

Одним месяцем ранее

Итак, был солнечный весенний один из первых по-настоящему теплых дней. Ранним утром Виталий Петрович в резиновых ботфортах, навьюченный рыболовными снастями, рюкзаком со всякой необходимой на рыбалке ерундой, и спиртом, обязательным для приготовления настоящей ухи и не только для нее, задирает с трудом свою травмированную ногу, чтобы влезть в УАЗ своего знакомого Егора Валентиновича – реаниматолога. УАЗ «Патриот» после привычной «десятки» показался ему гигантом. В конце концов, ругаясь

под нос, ему удалось ввалиться на заднее сиденье. Машина тронулась, завязался ленивый утренний разговор.

Как обычно, беседа безальтернативно скатилась на рабочие темы. Только добрались до места, развернулись, закинули удочки – у Валентиныча зазвонил телефон.

«Что за черт?»

На самом деле, едва раздался звонок, оба рыбака уже знали, кто и зачем звонил. Или скажем так, подозревали. Виталий Петрович и Егор Валентинович были сотрудниками местной сельской ЦРБ, оба были на так называемом дежурстве на дому, хотя правильнее это было бы назвать дежурством на телефоне. Врачей в больнице было не много, и звонки-вызовы домой были часты. Была надежда, что ранним воскресным утром у приятелей будет 3-4 часа на рыбалку, но закон подлости, как известно не знает в таких случаях промаха. Звонили из приемной, дежурный по больнице срочно вызывал хирурга. Что ж, надо ехать обратно.

Поехали в больницу, конечно, не переодеваясь. В резиновых огромных сапогах, осыпая комьями земли коричневый больничный кафель, ввалились в приемное. Дежурный врач, точнее сказать «дежурная» врач, полная женщина лет сорока, показывает направление из фельдшерского медпункта со словами:

– Где они их находят?

Оказывается, сантранспортом доставили в приемное мужчину около 40 минут назад, жалуется на сильные боли в ру-

ке. Сам обратившийся, тихо постанывая от боли, сидел, покачиваясь на кушетке. Осмотрели вместе руку. Кисть была красной, как-бы раздутой, как будто ее накачали жидкостью.

Оформляйте пока в хирургию, – распорядился Валентиныч, глянув на Виталия. Виталий согласно кивнул. Медсестра спросила:

– Что вписать в диагноз?

– ...Рожа пока, – буркнул Петрович и безуспешно пытаюсь сдержать зевоту побрел в отделение, переодеваться.

Доплелся до ординаторской, бухнулся в кресло у своего стола. Посидел, потеревил истории на столе. Пописать что ли «долги»? Да ну их в воскресенье к чертям собачьим. Лучше завтра... Или после завтра. Через 10 минут угрызения совести были прерваны вошедшей постовой сестрой, бросившей молча на стол историю поступившего. Петрович не спеша расписал назначения, поднялся, дошел до стойки сестринского поста, сунул лист под нос отрешенно строчащей в журнале медсестре и вернувшись снова плюхнулся в кресло. На этот раз без лишних размышлений тут же задремал в кресле. Показаний к операции пока не было и можно было попробовать, по крайней мере, выспаться...

Спустя час уже другая постовая медсестра, сменившая ночную, была вынуждена разбудить его. Больной жалуется на сильные боли, анальгин не помог, нужно что-то по сильнее. Кроме того, медсестре показалось, что рука покраснела сильнее. Петрович, пошатываясь и потягиваясь, направился

в палату, уточнить ситуацию. Было около 9 часов, пациенты ходили по коридору с тарелками, кто-то нес порции для неходячих собратьев по несчастью с целым набором тарелок на подносах, кто-то шел в столовую получить свою порция. Между этим потоком сновала санитарка со шваброй в одной руке и тряпкой в другой, призывая проходящих мимо к осторожности из-за влажного пола.

В септическом или проще говоря гнойном блоке к запахам еды примешивался уже привычный застойный запах мочи и прочие «ароматы» сопровождающие помещения с лежащими больными. Вот наконец и нужная палата. Пациент был все в том же сидячем положении, выглядел отрешенным, постанывал и раскачивался. Казалось, за прошедший час еще немного похудел и побледнел.

– Язык? Дай руку. Так больно? А здесь?

«Ого! Дела хреновые... И правда, где они это цепляют, блин», – подумал Петрович про себя и уже вслух медсестре:

– Переводи в реанимацию.

Реаниматолог подписал «инфузионку» в лист назначений, антибиотики перевели на внутривенное введение, добавив еще один для усиления. Виталий Петрович произвел под местной анестезией несколько разрезов на руки для декомпрессии, однако жидкость и кровь почти не выделялись из ран. Еще через пару часов, к изумлению Петровича, рука у пациента стала почти полностью красной. Он попробовал прозондировать поглубже через операционные раны, но гноя

в пораженных тканях не обнаружилось. После решил добраться домой, пообедать в домашнем спокойствии. Но во время обеда его снова настиг звонок от Валентиныча:

– Больной наш похоже загнуться собирается, температура не снижается, под 40. Положительной динамики по руке нет. Приходи, глянь еще раз.

К полудню стало ясно что ситуация крайне серьезная. Петрович шел в реанимацию, ожидая увидеть хотя бы небольшое улучшение, но отек и покраснение, как оказалось, поднимались выше к плечу. Больной чувствовал себя еще хуже, его продолжало лихорадить, сознание его было спутанным.

– Как тебя зовут?

В ответ бессвязное мычание.

Пошли с реаниматологом в ординаторскую, перекурить и обдумать ситуацию:

– Какие мысли, Петрович? – Виталий в ответ состроил гримасу неопределенности и пожал плечами. Подошел так же вызванный рентгенолог, пожал лапу реаниматолога и бухнулся на дешевый, жесткий обшарпанный больничный кожаный диванчик.

– Вот – В руках были только что сделанные рентгеновские снимки. Выставили их на свет... Вроде ничего особенного.

– Звони Петрович, в область, докладывай – решительно прогудел реаниматолог.

Петрович мысленно представил себе эту муку объяснений с дежурным хирургом ОКБ в воскресенье и нехотя взялся за трубку. Больной был действительно тяжелый и сложный, надо было отправлять его в головное учреждение.

Через 20 минут непрерывного накручивания барабана на телефоне удалось дозвониться, а еще через 10 минут и дождаться доктора областной больницы. Петрович рассказал про больного, несколько сгустив краски.

– Ну что, возьмете? – закончил Петрович свой доклад.

– Как сейчас давление? – спросили на другом конце провода.

Как раз подошел отлучавшийся на несколько минут реаниматолог.

– Давление сейчас как? – переспросил Петрович у него.

– А падает давление вообще-то... – ответил тот.

– Та-ак, транспортировка пока накрылась...

Согласовали лечение с консультантом из областной, тот дал номер своего сотового, договорились созвониться через час.

Еще через полчаса все трое собрались в реанимации – больному становилось хуже, давление снижалось. В ход пошло все, что можно было найти. Реаниматолог был уже весь «в мыле» и помогал медсестре набирать препараты в шприцы. Они перешли, на какой-то лихорадочный, авральный ритм работы, что-то доставали из металлических шкафов, что-то открывали и закрывали, что-то периодически

ски сначала помечали в журналах, а потом, плюнув на это, только сообщали вслух какие-то цифры друг другу. Прибежал вызванный терапевт, поприветствовал присутствующих и остался стоять рядом у соседней койки, с пленкой ЭКГ в руках, наблюдая за происходящим.

Больной был уже без сознания, в реанимации вышел весь запас преднизолона и срочно послали санитарку собирать еще по отделениям. Петрович не выпускал из рук телефон и консультировался то с хирургом из областной, то с реаниматологом из санавиации. Автомобиль санавиации был уже в пути и ожидался через 1,5 – 2 часа.

Стратегические лекарственные запасы небольшого реанимационного отделения были буквально опустошены, когда через 1,5 часа прибыл автомобиль санавиации. Они сразу включились в реанимационные мероприятия, перепробовали все – внутрисердечные инъекции, кислород, Валентиныч «дышал гармошкой» заставляя легкие погибающего наполняться воздухом снова и снова. Несколько раз «запускали» слабеющее сердце, что-то вводили в венозный катетер, вспотевший приезжий реаниматолог склонился над больным и продолжая считать в слух для остальных, ритмично сотрясал умирающего вместе с койкой, упершись двумя руками в его грудь. Но все было безрезультатно, и спустя еще 20 минут спец из города остановил работу бригады.

Петрович сидел в ординаторской разочарованный, вымотанный и опустошённый, среди хаоса сигаретного дыма,

сброшенной приезжими одежды, чемоданов, стопок бумаги на столах. Доктора из города тихо и деловито о чем-то переговаривались. Виталий пытался перебирать в памяти, в чем он мог ошибиться, было ли что-то, что он упустил из виду. Вошел патологоанатом, воскликнув бодрым голосом:

– Всем привет! – достал в знак солидарности сигаретку и затаился.

– Что, опять уморили больного? – фальцетом вопрошал патолог.

– Да пошел ты... – беззлобно и устало ответил Валентиныч.

Вскоре за патологоанатомом подошел главврач, сообщил, что подъедут специалисты из облздрави! Патолог докурил сигаретку, направился к выходу и на ходу бросил:

– Через полчаса подходите.

На самом деле отдельное здание патологоанатомического отделения мало отличалось от остальных строений на территории ЦРБ, но Виталию оно всегда казалось самым мрачным. Перед дверью небольшого одноэтажного строения никого не было, Виталий прошел внутрь. Как оказалось, все уже были здесь и что-то обсуждали. Пробираясь через короткий и тесный коридор, Виталий пошарил в карманах в поиске маски – в помещении неприятно пахло. Неторопливо натягивая на нос запасенную маску, он вошел в просторную комнату с высоким потолком.

Посреди комнаты стоял большой металлический, с бортиками стол, его было почти не видно из-за людей, собравшихся вокруг. Как оказалось, Виталий немного опоздал. Патолог уже практически закончил свою работу и демонстрировал окружающим, что-то на кончике большого, с широким лезвием ножа.

Виталию было неудобно расталкивать впереди стоявших людей, многих он здесь видел впервые. Рядом он увидел терапевта, которого вызывали утром на консультацию. Наклонился к нему:

– Что говорят? – спросил вполголоса.

– Вроде сепсис.

– А комиссия откуда? – еще тише спросил Виталий.

– Да сам не в курсе, вроде с облздрава.

Сепсис значит. Не было следов укуса или следов иной травмы. Мужчина при поступлении отрицательно отвечал на все наводящие вопросы: скотину не держал, домашних животных не было, никуда в течении месяца не выезжал и с температуращими не общался. Никаких проблем с рукой до этого не было. Так черт возьми, что это было?

На вскрытии в пораженных тканях не оказалось ни гноя, ни газа. Были признаки септического состояния, были изменения в тканях руки... Воспалительных очагов в костях не нашли. Какого-либо четко очерченного очага воспаления выявить не удалось. Равномерные изменения по всей конеч-

ности.

Но где-то же должен был быть первичный очаг? В анализах, взятых при поступлении, тоже не за что зацепится. Увеличение лейкоцитов в моче, да белок. В крови типичные для септического состояния особенности. Ни одного подобного случая в округе за последние 10 лет, что Виталий работал в этой больнице, не было.

Когда вернулись в ординаторскую и все уселись снова курить, Виталий поинтересовался у патолога, что он там показывал на ноже.

– Да знаешь, попался какой-то участок с гематомкой, миллилитра на три...

Почувствовав, что обретает благодарного слушателя, как заправская телезвезда под софитами, патологоанатом распалялся с каждым словом. Как выяснилось, на самом деле таких небольших участков кровоизлияния в руке нашлось несколько, и не только в руке. И в принципе это все было характерно для септического процесса... Свертывающая система крови у таких больных как бы истощается и появляется склонность к таким, не контролируемым организмом кровоизлияниям. Эти участки обычно не связаны с повреждениями крупных сосудов и обусловлены повышением проницаемости мельчайших капилляров...

Однако в одном месте патолог почти случайно узрел повреждение стенки небольшой вены, мелкого сосуда на пле-

че. Как будто коррозированный при воспалении сосуд. Что ж, мы и имели дело с воспалением, думал Виталий. С очень агрессивной воспалительной реакцией...

«Но на что? Черт возьми, на что? А с другой стороны, правда, и где они это цепляют... – размышления Виталия Петровича скатились в привычное русло легкого раздражения пациентами, столь часто в сельской местности усердствующих в алкоголизме, что обычные болезни становились зачастую запутанным клубком головолomных и неожиданных проявлений. Совершенно выбитый из колеи, Виталий Петрович после выполнения всех неотложных дел в отделении, отправился домой. Уже зайдя в дом, он понял, что глаза просто слипаются и даже сама мысль о том, что надо стянуть одежду была противна ему. Бухнулся в одежде на диван, взял в руки пульт от телевизора и внезапно буквально свалился в какую-то ватную темень сна... проснулся глубоко ночью от собственного храпа. На это раз нашел в себе силы раздеться перед тем, как снова провалится в сон.

Глава 2

Проснулся Виталий от слепящих лучей солнца, падающих на него через окно. Ах да, штору-то он вчера забыл задернуть. Ну что ж, глянем на часы... Ох ё... Понедельник, он такой.

Подъехав к входу в больницу, несмотря на спешку, Виталий немного замедлился. Утро очень напоминало вчерашнее, на улице было непривычно тепло, пробивались первые ярко-зеленые листочки на деревьях и порывистый ветерок гонял по площадке перед больницей извечную сельскую пыль. Душа просила выходного дня, даже промелькнула мысль: «Может притвориться больным? Покашлять там или вот нога прихрамывает? Ладно, сколько не фантазируй – надо идти работать».

Покачал головой, как будто сбросив предательские мысли и зашагал к дверям.

В отделении уже всюду царил суевей. Медсестры сновали по палатам с уколами, капельницами и таблетками. Больные перемещались по своим делам. На всю больницу грохотал старый лифт, то поднимаясь, то опускаясь. В ординаторской никого не было, на столе оказалось несколько новых свежее-

заведенных историй болезни. Виталий поспешил переодеться, засунул новые истории в свою пухлую папку и отправился по палатам.

Посмотрел бабушку с болями в ноге, затем, в этой же палате, пенсионера с болью в животе, который при ощупывании не показался острым, затем отправился в другую палату осматривать женщину, на истории болезни которой в разделе "диагноз" оказались только три скромные буквы ХВН. Затем сразу на медсестринском посту быстро заполнил лист назначения стандартными, отработанными схемами и отправился на обход – надо было посетить больных, оставшихся с пятницы предыдущей недели. Часть из них уже успела, не дождавшись своего лечащего врача, улизнуть в столовую. «Во я сегодня опоздал», – подумал Виталий.

Работа завертела его и закрутила: позвали на консультацию этажом ниже, потом в поликлинику принять заждавшихся и затомившихся в очереди страждущих граждан.

Как всегда поликлинический прием начинался с:

– Ща я по-быстрому, и в отделение.

Но куда там! Опять же, как обычно все пошло наоборот. Через раз попадались то запущенные, то не очень диагностически-ясные пациенты, требовалось дополнительное время для расспросов, а голова, к сожалению, из-за недосыпов последней непростой недели соображать быстро не хотела.

Виталий перестраховывался: направлял на дополнительные консультации. «Так или иначе в сложных случаях – один

в поле не воин», – считал он.

Закопался в очереди пациентов на несколько часов – и вот разгон по телефону от главврача. Оказывается, кто-то из снова поступивших в стационарное отделение уже пожаловался, что его много часов никто не лечит.

– Мне что, разорваться? – возмутился Виталий.

– Надо успевать – безапелляционно и категорично отмахнулся главврач.

После приема в сельской поликлинике Виталий легким аллюром врывается в «родное» отделение: вот ординаторская и вот новые «истории». И снова по кругу: палата – опрос – осмотр – лист назначения – консультации в отделениях этажом ниже – консультации в отделениях этажом выше. «Ладно, не привыкать», – вздохнул Виталий.

Еще несколько дней Виталий отработал в том же привычном ритме. Операции в отделении были рутинные, и мельтешащие события повседневной работы сгладили впечатления тяжелого воскресения. Жизнь, казалось, вошла в привычную колею. Однако уже в среду Сенежанская ЦРБ была потрясена новым событием.

Около 10 часов дня Виталий Петровича вызвали срочно из поликлиники в отделение. Там уже позвали сразу в предоперационную.

– Мойся, Виталий Петрович – пригласила операционная

медсестра к обработке рук перед операцией и облачению в операционный стерильный халат.

В операционной уже был заведующий, а за анестезиолога стоял бессменный уже неделю как неделю Егор Валентинович. Последний, несмотря на серьезность и срочность мероприятия не упустил случая для шутки:

– Мылась ли ты на ночь, Дездемона? – громоподобно, сотрясая стены, протрубил он Петровичу.

Больной уже был в наркозе, операционное поле обработано какой-то подозрительно пахнущей жидкостью.

«Опять каким-то дериватом спирт заменили, – подумал Петрович. – Наверняка это Валентиныч повадился «трубки протирать». Видимо старшая сестра приняла срочные меры к сохранению работоспособности врачебно-реаниматологического персонала, а конкретно Егора Валентиновича, и спасению неснижаемого запаса жидких лекарственных форм в виде спирта».

Продолжая размышлять о всякой ерунде, Петрович привычно встал у оперстола, взял инструменты, приготовился ассистировать.

Заведующий, бородатый здоровяк (его в больнице так и звали за глаза – Борода), с толстой короткой шеей, в свою очередь взял скальпель. Короткое, точное движение – кожа рассечена. Петрович сушит рану салфеткой. Тем временем заведующий поясняет ситуацию:

– Больной поступил экстренно, с нестерпимыми, сильней-

шими болями в животе. Состояние развилось в течение двух часов, причина болей абсолютно неясна, имелись отчетливые и ярко выраженные признаки «острого живота». Кроме этого, незначительный подъем температуры.

– И... все? – спросил Петрович, и добавил про себя: «На острый аппендицит это не похоже, хотя боли определялись внизу живота. Может быть осложнение язвы желудка? Очень похоже...».

Вскоре была вскрыта и собственно брюшина. Присутствующие хирурги и даже Вылентиныч, были удивлены и заинтригованы. В брюшной полости оказалось довольно много крови. Был сделан разрез, достаточно большой для осмотра органов брюшной полости и... – ничего! Никаких патологических изменений! Кровь была тщательно удалена, смотрели повторно. В это время Валентиныч стал торопить хирургов, больной не стабилен и анестезиологу-реаниматологу хотелось сократить время пребывания в наркозе.

Практически наугад Петрович еще раз пошарил пальцем в малодоступных для осмотра глазом местах и внезапно нащупал пальцем какое-то небольшое уплотнение. Постарались осмотреть это место глазами. Так и есть, эрозия на мелком сосуде, дырка буквально с миллиметр. Сам сосуд не кровоточит, выше и ниже этого отверстия он был затромбирован: «Ничего себе, что за ерунда с этим сосудом?».

Накладывали швы торопливо, в молчании. Валентиныч стал серьезен и был поглощен работой. Артериальное давле-

ние понижалось, он подозревал у пациента инфаркт миокарда, развившийся во время операции. Впрочем, четкой уверенности не было, в операционную притащили срочно аппарат ЭКГ.

Внезапно – остановка сердца! Петрович тут же начал непрямой массаж сердца. «Что ж это творится в нашей больнице, за что это мне», – где-то глубоко в сознании промелькнула мысль.

Позже, в конце рабочего дня, хирурги собрались в ординаторской дописывать накопившееся за день. Заскочил и патологоанатом, собрать всех заинтересованных на вскрытие. На этот раз патолог перед вскрытием устроил настоящее представление с анекдотами про хирургов и про неудачные операции.

Трудно было понять, то ли он так хотел поддержать хирургов, то ли просто не было случая выдать весь накопленный запас юмора ввиду отсутствия слушателей в патологоанатомическом отделении.

Виталий Петрович отрешенно глядел в окно. Погода на улице портилась, поднимался ветер, становилось ощутимо холоднее. Через открытую фрамугу в ординаторскую задувало прилично, Петрович зябко поёживался в кресле, он был расположен ближе всех к окну. Время от времени он оглядывал присутствующих, надеясь увидеть признаки замерзания. Но нет, кажется, от холода из окна страдал только он один.

Закрывать окно в такой ситуации было бы слишком опрометчивым шагом. Практически все присутствующие курили, и дымовая завеса в небольшой комнате продолжала стучаться с каждой минутой.

А голова что-то побаливала, да и в придачу как-то подташнивало и ныло где-то в животе... Такое бывало с Петровичем на фоне тяжелого рабочего ритма, особенно когда не успевал перекусить в течении дня, часто удавалось поесть только к часам к четверем – пяти вечера. Мысли перескочили на личные проблемы. Он думал: «Наверное гастрит все ж у меня? А может язва желудка какая немая? Опять весенний сезон мог спровоцировать обострение. Надо будет попить что-нибудь..., что-нибудь антацидное наверно».

Когда все ушли в патологоанатомическое отделение, Петрович решил сачкануть и отсидеться в ординаторской. То ли весенний упадок сил, то ли переработал. «Придут – расскажут», – думал Виталий Петрович.

Снова посмотрел в окно. Небо затянули тучи, на улице стало заметно темнее, порывы ветра раскачивали ветки деревьев рядом с окном. Настроение было так себе. В голову нахлынули мысли: «Неужели я так всю жизнь проторчу здесь?».

Нет, ему нравилось здесь, нравилось отсутствие суеты большого города, какая-то простота жизни. Вопрос будущего интересовал его скорее в каком-то философском смысле.

ле, просто как любопытство. Так он просидел неподвижно, один, в размышлениях, несколько часов. Когда глянул на часы, то был очень раздосадован. «Как пролетели 2 часа? Совершенно незаметно, как 10 минут! Не-ет, точно пора в отпуск», – подумал он.

В конце концов, удалось оторвать себя от кресла и переодеться. Направившись уже к выходу, передумал и решил заскочить к Валентинычу, надеясь застать его. Заглянул в реанимацию. На самом деле это были, конечно, всего несколько палат интенсивной терапии: небольшой сельской больнице не полагалось реанимационное отделение, но для простоты понимания на входе висела надпись «реанимация».

Как оказалось, Валентиныч был все еще здесь и «подбивал» записи, развалившись на топчане и подложив пару журналов пожестче под листы. Параллельно с его слов что-то писала медсестра, притулившись за маленьким неудобным столиком рядом. Петрович сел на свободную часть топчана и спросил скорее для «затравки» разговора:

- Заработались вы сегодня что-то.
- Да как-же достало уже – без эмоционально прокомментировал Валентиныч. Потом повернулся к Петровичу:
- Не желаешь по одной? Что-то сегодня настрой у меня...
- Можно – пожал плечами Петрович.
- Давай в дежурку тогда, я сейчас подойду!
- Ладно, я в общем, в дежурке – ответил Петрович, вставая.

Затем спустился к вахте, взял ключи от дежурки, открыл: «Сколько лет этой дежурке?».

Кажется, мебель и телевизор не менялись со дня открытия этой больницы. Практически антиквариат: и диван времен первого полета в космос Гагарина, и стол, возможно бывший свидетелем салюта в честь победы в 1945 году, и телевизор... Впрочем, нет, телевизор хоть и кинескопный, но имел дистанционный пульт, и несомненно, относился к вещам современным в понимании местных жителей.

За дверью в коридоре раздались приближающиеся шаги. Дверь открылась, и появился Валентиныч, что-то пряча за полой халата. Прошел к столу и выставил бутылку водки, затем извлек из кармана пол лимона, дунул на него, как бы сдувая пыль или что-то еще. «Блин», – подумал Петрович, – «стоило подумать про антацидные средства и вот... Закон подлости в этой больнице, по-видимому, работает с удвоенной силой. Ну что ж делать-то...».

Петрович полез в заветный шкафчик в дежурке, где нашлась тарелка и кухонный, сточенный наполовину нож. Валентиныч достал из кармана халата пару металлических стопочек, выставил на стол, хрустнул, отвинчивая крышку на бутылке. Жидкость в бутылке забулькала, пропуская пузырьки воздуха, когда Валентиныч наполнял стопки.

– Будем – коротко сказал реаниматолог и опрокинул стопку.

Петрович последовал примеру, закинул содержимое в рот и скривился:

– Ну и ядовитая, где ты ее откопал?

– Да ничего вроде – отвечивал Валентиныч.

Едва уровень жидкости в бутылке достиг этикетки, реаниматолог рассказал о результатах вскрытия, выражая сомнения в объективности заключений патолога:

– Опять нашел какие-то гематомки в мягких тканях. Помешался он, что ли на них? Сосуд брыжеечный действительно был эрозирован, кровь набралась «в брюхе» из него. Но в просвете сосуда наоборот – большой тромб, сантиметров пять длиной. Кровопотеря была немаленькой, но не угрожающей жизни с учетом проведенного внутривенного введения жидкости перед операцией и вовремя ее.

– И судя по тромбу в сосуде, – продолжил он, – кровотечение это не продолжалось на момент операции. А фатальным стал именно инфаркт миокарда, подтверждённый в заключении патолога.

Незаметно они уговорили полбутылки, потом закурили. Разговор дальше перекидывался то на домашние бытовые темы, то на рабочие, то вспоминали последние посиделки коллективом. В общем, обычный треп. Как ни странно, Петрович себя почувствовал лучше, появился интерес к окружающей жизни что ли.

Внезапно бутылка закончилась. Конечно, значительное уменьшение жидкости в бутылке было отчетливо заметно

последние 15 минут, но так неприятно и коварно оно показалось именно сейчас. Да и природа как будто взывала ко второй: на улице, через край окна, оставшейся не прикрытым потрепанной шторой, были видны изменения погоды – стало вроде чуть светлее и краски, в которых представал мир на улице были более тёплыми...

Оказалось, что у Валентиныча есть еще НЗ. Он отлучился на 10 минут и вернулся со второй бутылкой и на этот раз достал из кармана халата два соленых огурца. Налили еще.

Тут Валентиныч вдруг хлопнул себя по лбу, как будто что-то вспомнив.

– Что еще? – спросил Петрович.

– А ты знаешь, что сестра этого инфарктника поступила в больницу вчера ночью? С головными болями и болями в животе?

– Нет, не знаю.

– Воот, живот был не хирургический, но ночью Бороду вызывали, очень подозрительный был живот. Похоже, у них это семейно-наследственное...

– Что наследственное? – спросил Петрович, – В больницу в срочном порядке с болью в животе в апреле поступать?

– Нет! – ответил реаниматолог, – Неясные болевые синдромы у них кажись семейные.

– Так может надо всю родню превентивно госпитализировать? – спросил Петрович.

– Так у них полдеревни, всё родня! – засомневался Вален-

тиныч.

– Так я и говорю, превентивно ж! – не унимался Петрович.

В конце концов и вторая закончилась.

– Ну что, по третьей? – спросил реаниматолог. Петрович вспомнил, что завтра еще ночное дежурство и усилием воли выдавил из себя:

– Нет, нет, хватит на сегодня.

«Десятка» Петровича стояла неподалеку от входа в больницу в темноте. Несколько сиротливых осветительных столбов освещали в основном участок около дверей. Петрович нетвердой походкой добрался до машины, нащупал замок зажигания, вставил ключ и завел машину. «Да я, в общем-то ничего, после бутылки», – подумал он. Еще подумал, что главная проблема по-настоящему пьяных водителей – это спешка и переоценка своих возможностей.

Размышляя об этом, он неторопливо включил заднюю передачу, плавно тронулся. Бум!

– Что это? – секунд десять Петрович сидел в полном недоумении, пытаясь сообразить, что случилось.

– Может быть что-то было сзади? – думая вслух, он вышел из машины и узрел стоящую позади своей «десятки» опель астру. Её он только что, оказывается, «боднул» задним бампером:

– Во, блин!

Вмятины вроде не осталось на «Астре». Петрович на всякий случай обошел свою машину, чтобы убедиться в безопасности дальнейшего пути. Сел в машину, горячо ругая себя последними словами, давая обещания и клятвы больше не садится за руль пьяным, и двинулся домой.

Как ни странно, но на этот раз Петровичу удалось выспаться.

Добравшись до больницы, он увидел желто-красный санитарный «Мерседес» на асфальтовой площадке перед ЦРБ: «Это что еще за гости? Из областной что ль?». Пробрался через утреннюю суету центрального коридора к лестнице, поднялся в отделение. Зашел в ординаторскую. Вся комната опять была заставлена спец.чемоданами, все кресла и места на диване были заняты городскими докторами. Петрович поздоровался, добрался до своей вешалки, накинул халат.

В ходе разговора выяснилось – в больнице еще несколько пациентов с так называемыми абдоминальными болями синдромами – сильнейшие боли в животе, все случаи не связаны с травмой, данных за инфекцию нет. Больные не лихорадящие, в анализах ничего серьезного не прослеживается. Рентгеновские снимки брюшной полости и грудной клетки никаких подозрений не вызывали.

Подобные случаи отмечались уже в нескольких районах области, неоднократно консультанты из города выезжали на

места с целью уточнения ситуации. Картина была схожей – боли в животе, излившиеся в брюшную полость кровь, отсутствие видимых изменений внутренних органов.

Одного из пациентов прооперировали в ЦРБ. Двух забрали в город. Бригада врачей областной больницы уехала, но остался командированный эпидемиолог. Его разместили в одной из свободных палат в отделении терапии, на период работы.

На следующий день утром на планерке было доложено о пяти поступивших с болями в животе! Все пять не нуждались в срочной хирургической помощи, однако боли не уменьшались на фоне введения обезболивающих и спазмолитических средств. В целом с пациентами было все нормально, но какова причина? Двое из них попали в палаты к Петровичу. Учитывая неясность и необычность ситуации, Петрович назначил максимальный объем исследований. Вместе с одним из пациентов поднялся в кабинет УЗИ. Во время исследования встал за спиной узиста, надеясь, что вместе смогут что-нибудь откопать: что-нибудь, что могло пролить свет на эту странную эпидемию болей в животе и необычных смертельных исходов.

Впрочем, все, что он увидел на экране – это причудливая игра черных и светлых пятен. Виталий не имел специальной подготовки по УЗИ. Иногда ему приходилось обсуждать с

узистом пациентов с приступами острого холецистита, однако каким образом можно что-то понять в этой мешанине пятен, ему оставалось непонятно.

Во время исследования Петрович обратил внимание доктора на интересующие зоны болезненности на животе. Вердикт был следующий: изменений внутренних органов не выявлено, но определяется до 100 миллилитров жидкости в животе. И попутно немного, меньше 50 миллилитров в плевральной полости. Если точнее – в левой её половине. Скопление жидкости почти случайно попало узисту в малодоступном для осмотра месте, где-то между диафрагмой и сердцем.

«Вот значит, как...», – подумал облегченно Петрович. Учитывая новые данные, речь об операции пока не шла, что было хорошей новостью. Но что делать с таким пациентом дальше, чего ждать и к чему готовиться?

К часу дня в ординаторской хирургии был создан совет, обсуждали животрепещущую тему дальнейшего плана лечения поступивших в отделения. Так же на консилиум были приглашены терапевты и неврологи. Последних пригласили скорее не из необходимости, а больше для демонстрации докторам необычных клинических случаев.

Консилиум длился 2 часа. Обмен мнениями то разгорался, то затухал. Кто-то уходил, кто-то подходил, участвующих вписывали в протокол консилиума, просили поставить подпись в конце. В общем, каких-то свежих, прорывных идей и не ожидалось, просто необходимо было оформить коллегии-

альное решение соответствующем образом, учитывая сложность и неординарность обстановки. Итогом стало решение продолжить консервативное лечение.

Под конец появился и приезжий эпидемиолог. Выглядел каким-то напряженным, взбудораженным что ли... Был он не один, а с главным врачом, который как раз наоборот, казался немного растерянным. Главный стал снова спрашивать о том, о чем уже ему недавно докладывалось. Обратил внимание присутствующих на уже известные факты.

Петрович думал: «На кой черт мы здесь сидим и тянем эту волюнку? Лучше бы спокойно документацией занялись». Вообще он немного не долюбивал эти планерки, пятиминутки, конференции с главврачами. Ему все время казалось, что они существуют скорее для напоминания о существовании начальства, нежели для решения рабочих проблем.

После 10 минут разговоров вокруг да около главврач объявил:

– Пришёл приказ из облздрави. Для пациентов с неясной, атипичной симптоматикой и болями различной локализации выделить отдельные палаты. Обеспечить изоляцию этих палат от остальных блоков.

Вот тут все как с цепи сорвались. Вопросы наперебой сыпались на главврача.

– Ничего сам точно не знаю, вот приказ. Вас ознакомил, теперь расписывайтесь.

«Чудеса какие то, – думал Петрович. – Зачем это цирк?»

Почему тогда в инфекцию их не отправляем?»

Позже ситуация несколько прояснилась. От инфекциониста узнали, что инфекционная больница в городе уже полна такими пациентами и оказывается, там волна подобных пациентов появилась чуть раньше.

Однако день шел своим чередом, работа в больнице не останавливалась. Бесконечные потоки больных и здоровых людей перемещались по коридорам, кабинетам, лестницам, лифтам. Жалобы, справки, оформление каких-то бумаг, льгот, справок, книжек, надбавок, компенсаций, повторные осмотры, первичные осмотры – в этой лавине мелких, бесконечных дел некогда было размышлять о происходящих событиях.

Тем не менее моментами мысли Петровича возвращались к этой странной ситуации: «Быть такого не может... Нельзя же завалить инфекционную больницу этими странными случаями и сохранять это в тайне. Кому это вообще может быть нужно? Почему молчит облздрав? Как всегда, просто отстают на несколько шагов от развития событий?».

В тот же день в приемное поступил ребенок, с острейшими некупирующимися ничем болями в животе, нестабильным артериальным давлением. Так же его беспокоили головные боли. Снова Петровича вызвали из дома. Когда он добрался до приемного, кроме него там уже были и инфекционист, и эпидемиолог.

Петрович сел на край кушетки около больного. Рядом находилась так же родня несчастного, со скандалом пробившаяся сквозь кордон санитарок. Все были в выжидании вердикта. Петровичу понадобилось всего несколько минут для осмотра: отработанными годами мягкими движениями он нажал рукой вверху живота, одновременно отметил выраженность сопротивления мышц живота давлению своей руки, и пока рука оставалась на животе, посчитал пульс по колебанию брюшного отдела аорты. При этом спросил больно ли больному, глянув во время ответа на язык.

Пока рука оставалась на животе, он ощущал и дыхательные движения, которые подсчитывал за 10 сек. Затем прощупывал и нижние отделы живота, одновременно располагая ладонь частично на правом бедре – таким образом, при напряжении бедра Петрович узнавал о действительно выраженных внутрибрюшных болях, даже если пациенты пытались преуменьшить их. Методика эта вырабатывалась годами, путем долгих размышлений и анализа картины в своей личной практике.

Но на этот раз, методика его дала сбой. Действительно выраженный болевой синдром. Учащенный пульс. Несколько учащенное дыхание, что объяснимо при таких болях. Но не складывалось у Петровича все-таки ощущение необходимости операции. Было какое-то ощущение недостающего элемента пазла.

Решили консультироваться с областной больницей. Одна-

ко через полчаса эпидемиолог зашел в ординаторскую – пациента забирают в инфекционную больницу. Вертолетом.

Транспортировку тщательно готовили: проверили наличие дыхательной аппаратуры, которая могла понадобиться в пути от палаты до вертолета, проверили, как пройдут носилки по всем лестницам, так чтобы можно было пройти одновременно и с носилками, и с дыхательной аппаратурой. Тщательно подготовили сопроводительные документы. И вот, наконец, услышали нарастающий рев вертолета.

Погода в этот день была благоприятной для подобных полетов. Ветра практически не было, высокая и небольшая облачность не могла ничем помешать, метеопрогнозы на день были спокойными. Тяжелый Ми-8 постепенно снижался, на указателе скорости стрелка приближалась к отметке 50, гул винтов привычно изменился, машина задрожала, лопасти захлопали при сбросе скорости. Командир воздушного судна уверенно вел машину к трёхэтажному, серому зданию, с высоты казавшемуся все еще чуть больше игрушечного кубика. Площадка, на которую предстояло произвести посадку, была окружена высокими деревьями, и сажать машину с сохранением поступательной скорости было невозможно.

Все шло по плану, бортмеханик и штурман-пилот привычно выполняли рутинную работу. Ход машины постепенно замедлялся, минуту в кабине все вибрировало и вот в конце концов, стальная ревущая машина, подняв столбы пы-

ли и в секунды разметав мощным потоком от винта листья под собой – застыла высоко в воздухе, над площадкой около больницы. Теперь вертолет понемногу начал вертикальное снижение. Второй пилот, как и другие члены экипажа, смотрел вниз, на площадку, куда они приземлялись. Оставалось не так много до земли, когда он внезапно почувствовал, что они проваливаются вниз.

Дальнейшие события развивались практически молниеносно и одновременно как в замедленном кино. Вот второй пилот поворачивает голову влево, краем глаза видит стрелку вариометра, видит, как ему кажется, очень медленное ее перемещение вниз. От цифры 2, означавшей снижение со скоростью 2 метра в секунду, к цифрам 3 и 4! Вот второй пилот поворачивает голову дальше влево, успевает сказать удивленно:

– Командир? – видит, что тот заваливается вперед, на ручку управления, на приборную доску...

Практически одновременно, второй пилот резко тянет левой рукой ручку шаг-газа вверх, на себя, пытаясь остановить падение и выдернуть машину вверх. Правой он вцепился в ручку управления вертолетом, пересиливая вес навалившегося командира. Но было поздно. Машина рванула вперед и сильно накренилась, разбивая лопастями винта небольшие, оказавшиеся ближними, деревца, на которые напоролась. Ударилась носовой частью о площадку, сминая кабину о землю.

В воздух мгновенно взметнулся ураган пыли, бешено крутящихся обломков, комьев земли. Вертолет секунду тащило по земле вперед, он как огромное морское чудовище полностью скрылся в пучине пыли, песка, взметнувшихся в воздух кусков асфальта и каких-то металлических частей. Затем застыл в оседающем облаке пыли, накренившись на бок. Люди из здания кинулись к вертолету.

Кто-то тащил огнетушитель, кто-то тащил носилки, кого-то послали обратно в здание за инструментами. Кабина была сильно деформирована, командира судна не удалось сразу вытащить – вертолет ударился при падении как раз левой, там, где сидел первый пилот, стороной.

В конце концов, экипаж был эвакуирован. Пригнали откуда-то Урал, вертолет отбуксировали на безопасное расстояние. На счастье, все члены экипажа оказались живы. Отделались ушибами и небольшими переломами.

Виталий Петрович участвовал в осмотре пилота вертолета, того, что управлял машиной перед падением. Летчик был без сознания. Подозрительной асимметрии мимики лица и зрачков не было. Дыхание в принципе спокойное, показатели сердечной деятельности не вызывали опасения. Живот оставался мягким. На всякий случай сделали рентген черепа и шейного отдела – никто в данной ситуации не смог бы поручиться за целостность костей головы без дополнительных исследований.

При осмотре пациента обнаружилось несколько синяков, ушибы-переломы пальцев и... больше ничего особенного. «Что ж, необходимо детальное дообследованные, в такой ситуации не исключён и ушиб головного мозга и внутричерепное кровоотечение без каких-то дополнительных проявлений в первые часы после травмы. Эти первые часы могут быть очень обманчивы», – думал Петрович.

В срочном порядке, из-за ЧП, прилетел второй борт, на этот раз удачно приземлившийся. Вертолетчики забрали ребенка, бортмеханика и второго пилота, затем минут 10 вертолет простоял на площадке с ревущими двигателями, потом взмыл на несколько метров, повисел немного как бы прощаясь, и ушел ввысь, исчезнув за верхушками деревьев.

Петровича не покидало ощущение нереальности происходящего и какой-то что ли нечестности по отношению к нему, Виталию Петровичу. Ему казалось, что все происходящее нацелено именно на него, он размышлял: «Все люди как люди, а мне вот везет... За что-о? Нет, надо переезжать работать в город, в спокойном ритме, в нормальных условиях».

Теперь работа в городских клиниках казалась ему чуть ли не райской жизнью, что конечно было далеко от истины. Но Петровичу хотелось верить, что где-то есть место, где он, работая смог бы на конец высыпаться и не ломать каждый раз голову над состоянием пациента, когда не удастся вовремя получить какой-то анализ или исследование. Когда прихо-

дится принимать сложные решения, когда счет времени идет на минуты, и нет поблизости узких специалистов на все случаи жизни, кто бы мог помочь советом.

После Петрович вернулся в отделение. Обсуждали с неврологами состояние раненого. Решили все же отправить санитарным автомобилем в соседний район, где имелся аппарат МРТ. Состояние было стабильным, сознание постепенно возвращалось. Снарядили сопровождающих аптечкой на случай ухудшения. Через 3 часа машина с пациентом вернулась. Итак, по заключению все-таки была выявлена микрогематома в веществе головного мозга.

Петрович в глубокой задумчивости снова сидел перед окном в ординаторской: «Гематомка значит...». Почему-то в голове засел образ патолога со своим: «Гематомки».

«Говорят же: один раз – совпадение, два раза – уже система», – размышлял Виталий. – «Ох неспроста это все, неспроста».

В ординаторскую заскочила медсестра:

– Виталий Петрович, можете пойти покушать, там в «раздатке» оставили вам.

После выдачи больничного питания пациентам санитарки-буфетчицы немного оставляли тем несчастным из смены, у кого не оказалось времени на нормальный перекус взятым из дома. Кто-то мог находиться в больнице на дежурстве второй или третий день подряд. Случалось иногда и больше –

особенно в период летних отпусков на фоне волны резкого увеличения травм среди местных.

Зачастую травмированных могли привозить каждый час: глубокие порезы-повреждения «болгаркой», кто-то попал под трактор, кого-то ударила лошадь, взбесившаяся корова, а кто-то наступил на стекло в речке. Такие фазы интенсивной работы могли длиться неделями и даже месяцами.

Сестрички в основном были из местных, и по мере сил подкармливали зависших на бессрочных дежурствах врачей.

Передвигаться Петровичу было лень, но он знал, что если не поест сейчас, вечером может остаться без ужина вовсе, если будет опять какой-нибудь срочный вызов. Год назад он перенес язву желудка «на ногах», на работе. К терапевтам не пошел – «ну что отвлекать людей от работы». Больничный лист брать не стал, решил «пропить» стандартную схему и посмотреть, избавится ли это его от болей после приема еды или нет. Через несколько дней стало значительно лучше, и Петрович практически забыл об этом. Но время от времени спохватывался, когда несколько раз подряд приходилось пропускать прием пищи, поругивал себя за «халатность» и старался в таких случаях засунуть в рот хотя бы корочку хлеба на бегу или глотнуть несколько глотков кипяченой воды.

Вот и сейчас, несмотря на усталость, Виталий заставил

себя встать и пойти в небольшую комнату, служившую столовой при отделении. Суп как оказалось, уже был ликвидирован. Петровичу наложили полную тарелку остывших слипшихся сероватых желеобразных переваренных макарон. Проталкивать их в глотку помогал стакан компота. Петрович сразу запросил второй стакан, ибо опасался все же, что одного стакана не хватит для эффективного проталкивания клейкой макаронной смеси на всем пути от глотки до кишечника. На мгновения он даже представил себе жуткую картину острой непроходимости пищевода вследствие застывания макаронной смеси перед входом в желудок. «Странно, странно», – подумал Петрович, – «что в наших краях не встречалась эта страшная, только что открытая мною болезнь».

Тут в дверном проеме показалась коротко стриженная голова патолога.

– Ты уже в курсе?

– Нет, а что? – спросил Петрович, приостановив на мгновение процесс поглощения фирменных больничных макарон.

– А то, дорогу в область перекрыли.

– В каком смысле? ДТП серьезное? – опять спросил без удивления Петрович.

– Нет, военные перекрыли.

– А за каким хреном? – все еще не проявляя интереса к новости, ответил Петрович, судорожными глотательными движениями все еще проталкивая очередную порцию

слипшихся макарон.

Тут патолог присел на подоконник, словно готовясь к длительному выступлению.

– Начмеда нашего сегодня развернули, сказали карантин.

– Какой карантин? – наконец-то к удовольствию патологоанатома округлил глаза Петрович, – Да ну! Мы-то здесь первыми бы об этом узнали?!

Глава 3

– Да нет! Такого не может быть! Что-нибудь он напутал! – воскликнул убежденно Петрович.

– Ну, сам подумай, такие вещи на ровном месте не происходят. Должны были чрезвычайную ситуацию объявить. Да и какая причина может быть?

– Ну причину я не знаю – ответил патолог.

– А вот жена звонила родственнику – гаишнику, тот сказал, что в город теперь не попасть.

Петрович задумался. Глянул в окно. Была видна часть площади перед больницей, на которой авиационные спецы продолжали собирать обломки разбившегося вертолета. Редкое оцепление из людей в камуфляже так же было на месте.

– А эти? – спросил Петрович.

– Они же здесь не собираются оставаться?

«Да и невозможно это, – подумал уже про себя Петрович. Из больницы практически каждый день приходится отправлять кого-нибудь в город. Опять же аптечное снабжение... В магазины всё из города везут почти. А бензин?» – и вслух уже патологоанатому:

– Да ну, нет. Ерунда какая-то. Нам бы в любом случае общили.

– Ну, ну – задумчиво ответил патолог, занятый вдавливанием бычка в пепельницу. Затем перешел на привычные и популярные в местных краях темы:

– А вчера на рынке были с женой, встретили Андреева, тряпками теперь торгует...

Петрович согласно кивал головой и поддакивал, делая вид, что слушает. Под конец истории удачно вставил:

– Ну надо же... – и, сославшись на дела, покинул ординаторскую.

Время еще было рабочее, однако наступил редкий момент спокойствия в отделении.

Тот редкий момент, когда не было срочных больных, не было поступающих больных, не было рядом начальства и не было срочных неотложных бумажных дел. Виталий оправился в «бытовку» как называли свою комнату отдыха реаниматологи, надеясь застать Валентиныча.

В «бытовке» – небольшой комнатухе с диваном, единственным креслицем и телевизором, ему действительно удалось застать реаниматолога. Тот, щелкая кнопками на дистанционном пульте, перебирал каналы спутникового ТВ. Не обнаружив ничего интересного, оставил что-то с морской тематикой. Петрович решил полюбопытствовать:

– Чего сидишь? Вроде смена твоя кончилась?

Реаниматолог, развалившийся на диване, ответил с оттенком досады:

– Да сменщик позвонил, не может приехать, теперь до завтра дежурю.

Оба, молча уставившись в телевизор молчали. Вдруг в коридоре послышались энергичные шаги. В каморку заглянул Дрыжак, недавно вступивший в должность начмеда, полный брюнет с сочным украинским говором:

– Шо, диваны полируете? – И чуть строже:

– Егор Валентинович, не забудь, ты до завтра.

Петрович с Валентинычем ожидающе смотрели на гостя.

– Титаника вот смотрим, садись тоже, перекури, – ответил Валентиныч и энергично двинулся, освобождая место на диване. Протянул пачку сигарет. Он явно, как и Петрович, хотел потрепаться с начальством на тему последних новостей.

Дрыжак отказался от сигаретки и садится не стал.

Не обращая внимание на предложение и глядя как бы поверх докторов, начмед неожиданно ввернул:

– Не доросли британцы до Аврор, Титаник плавал как топор. – И тут же ушел, гулко шагая по коридору, прочь из отделения.

Петрович только хохотнул:

– Во дает!

Разговор вяло перешел на обсуждение лежачих в отделении пациентов и операционные планы на следующую неделю.

Из окна донёсся короткий «крякающий» звук спецсигнала машины скорой помощи. Обычно такой подавали у КП на

въезде в ЦРБ, когда спешили.

– Не по нашу ли душу? – подумал Петрович.

Через 10 минут позвонили из приемного отделения, звали к ним.

– Пойду посмотреть. – Петрович не торопясь встал, затушил окурок и вышел.

В приемном он увидел привычную картину: дежурный врач, медсестра – оформляющая «историю болезни», человек с гримасой боли на кушетке – среднего возраста, тихо стонущий, как бы боявшийся дышать и застывший в напряжении. Интуитивно с первого взгляда в голове Петровича сразу выстраивался план возможных дальнейших действий, лейтмотивом которых была крутившаяся в голове мысль: «Кажется, у нас будет операция».

Осмотр, ощупывание живота подтвердили его первое впечатление. Передав распоряжения медсестре, Петрович отправился обратно в отделение. Заглянул к Валентинычу:

– Да, будем оперировать.

Немногим менее часа ушло на подготовку операционной и собственно медикаментозную подготовку больного. В конце концов, бригада собралась в операционной. Пациент лежал на столе, вокруг суетились анестезистка и Валентиныч. Необходимо было ввести дыхательную трубку в трахею. Из-за каких-то анатомических особенностей пациента интубация проходила со сложностями, Валентиныч чертыхался и

пытался переинтубировать пациента. Так же ждали Бороду, он передал, что бы начинали без него. Операционная медсестра застыла, навалившись всем телом на столик с инструментами. Все ждали разрешающей команды анестезиолога.

Наконец анестезиолог сказал:

– ...пробуйте... – и Петрович чиркнул скальпелем по коже. Края образовавшейся раны мгновенно разошлись и спустя несколько мгновений рана разом наполнилась кровью до краев. Короткое движение рукой с тампоном, сухое потрескивание коагулятора, дым, запах паленого мяса и кровотечения остановлено, рана осушена. Еще один разрез, привычно раздвинуты мышцы, взята на зажимы бесцветная пленка брюшины. Петрович протянул медсестре молча руку в ожидании ножниц: «Что такое? Кто его толкает в бок? Ага! Это пациент оказывается двигает рукой».

– Валенти-и-и-и-ныч! А у тебя пациент не спит!

– Чего? – анестезиолог ответил, не поднимая глаз из-за импровизированной шторки между операционным полем и головой пациента. Прошло еще секунд пять, прежде чем анестезиолог понял, о чем речь.

– Не может быть!

– Может, может... Он меня как раз по животу пинает, – с долей сарказма ответил Петрович.

Валентиныч подобрался сбоку и схватил за руку пациента. Медсестра что-то ввела через капельницу, пациент об-

мяк, однако анестезиолог еще минуты три держал упрямую руку, желая удостовериться в достаточности введенных препаратов.

Валентиныч продолжил манипуляции в ране. Внезапно он снова почувствовал какие-то толчки по животу.

– Да чё он у вас не спит-то? – уже с раздражением и с оттенком удивления спросил он. Внезапно с грохотом, опрокидывая со звоном ворох хирургических сверкающих инструментов пациент приподнялся и одной рукой схватил за шею остолбеневшего, с вылезавшими из орбит глазами изумленного Петровича!

Виталий вцепился обеими рукам за пальцы проснувшегося больного и изо всех сил пытался разомкнуть их. Валентиныч почти повис на плечах убегающего пациента, но это не возымело почти никакого эффекта, оперсестра в ужасе смотрела на развернувшуюся борьбу, а анестезистка повисла на плече восставшего из наркоза человека, пытаясь спасти внутривенный катетер – который мог при неосторожных или резких движениях переломится пополам. Пациент, глядя безумными глазами куда-то в пустоту, с неожиданной силой продолжал удерживать Петровича, который в свою очередь все еще безуспешно пытался разжать пальцы безумца. Из раны больного из-за напряжения стали выдавливаться казавшиеся в свете операционной сероватыми, блестящие лен-

ты кишечника! Наконец пришедшая в себя операционная сестра бросилась к больному и попыталась прикрыть марлевой салфеткой выскальзывающий из раны кишечник.

Внезапно, с криком она отскочила от опер стола. С ужасом Петрович увидел, как следом за кишками из раны выпали полупрозрачные, шевелящиеся, хлюпающие слизью тяжистые массы... Видимо под влиянием увиденного, Вылентиныч окончательно осатанел и практически запрыгнул на больного, одновременно вцепившись в кисть его руки, помогая Петровичу отодрать ее от горла. Внезапно борьба стихла. Пациент неподвижно упал поперек стола, врачи и медсестры на несколько секунд замерли, глядя лишь на куски слизи, которая продолжала самостоятельно ползти куда-то, прочь от операционного стола. Анестезистку вырвало, Вылентиныч выбежал в предоперационную и кричал кому-то:

– Звони срочно главному! Зови в операционную. Срочно! Скажи, что б немедленно, слышишь?!

Словно очнувшись от забытья, Петрович крикнул анестезиологу:

– Он дышит хоть?

Потом начал шарить блуждающими глазами по операционной, нашел металлический бикс побольше, одним движением вывалил с грохотом содержимое под ноги, подбежал ко все еще копошащемуся на полу и ползущему комку слизи и

с перекошенным от отвращения лицом накрыл его стальной банкой. Далее, все больше приходя в себя, он еще раз переспросил анестезиолога:

– Дышит?

– Дышит, но хреново, – ответил суеющийся возле больного Петрович, по-видимому, тоже начавший приходить в себя.

Раздался топот в предоперационной. Показался начмед.

– Вы чё тут, с ума посходили? – озираясь и дивясь на погром воскликнул он с оттенком возмущения и даже угрозы в голосе.

– А ты сюда глянь, – сиплым голосом сказал Петрович. Как ни противно было ему, однако он не мог отказать себе в этой маленькой сатисфакции и поднял бикс.

С утробным звуком подступившей дурноты, руками закрывая рот, начмед дернулся в обратную сторону. Сдавленно прохрипел через силу:

– Глисты что ль такие? Предупреждать же надо!

Общими усилиями затащили пациента на стол. Санитарки суетились вокруг, собирая инструменты, бинты, битое стекло с пола. Пригнали подвыпившего лифтера, который один среди подсобного персонала оказался достаточно отважен, что бы металлическим совком соскрести остатки шевелящихся тварей с пола в бикс. Впрочем, не исключен был в этом поступке и корыстный, коррупционный мотив. По-

сле акта героизма лифтер подозрительно жестикулировал, недвусмысленно глядя в глаза старшей медсестре. Судя по всем этим действиям, он ожидал транша спиртосодержащей жидкости в распоряжение подсобки, где обитали лифтеры. Забегая вперед, стоит сказать, что благодарность старшей сестры была значительно ограничена ее феноменальной бережливостью, если не сказать прижимистостью. Поэтому доблестный спаситель, после приема благодарности внутрь, вынужден был, шатаясь и матерясь вернуться в операционную с металлическим совком буквально через пять минут, и потребовать повторной выдачи ему твари для героического поступка...

Тем временем Петрович сумел возвратить кишки необычного пациента на место, в живот. Стянул края раны хирургическими нитями. Продолжить операцию он не решился и ждал решения начальства. Хирург и анестезиолог простояли в операционной около получаса, среди суетящихся санитарок и причитающих, охающих медсестер – собирающих инструменты, мусор и слизь. Наконец они услышал топот шагов и почти одновременно предоперационную и сам операционный зал заполонило множество людей – все они были в костюмах химзащиты. Анестезиолога и Петровича взяли под руки и подтолкнули к выходу. Неожиданно для себя за дверь операционного блока Петрович вместо привычного коричневого коридора оказался в туннеле из белого пластика-

вого материала. Он ощущал бьющий в лицо ветер, как будто гигантский вентилятор гонял воздух по этому тоннелю.

– Это что?.. Что это, черт возьми?

– Не волнуйтесь пожалуйста, доктор. Так надо, – мягким голосом ответил один из сопровождающих. Так они прошли через всю больницу, везде все было покрыто пластиком.

«Когда они успели то? Как это возможно вообще?» – изумился Петрович.

В конце концов пластиковый коридор закончился на улице – он упирался прямо в дверь черного автобуса, какой-то иномарки. Забравшись внутрь, Петрович обнаружил, что привычных пассажирских окон тут нет, салон освещался исключительно плафонами. Его усадили на одно из мягких и комфортных кресел. Тихо заурчал мотор, машина почти беззвучно тронулась, они куда-то поехали.

Через примерно двадцать минут минивэн остановился, Петровича и остальных пассажиров пригласили на выход. И тут он увидел все тот же белый пластик вместо стен, здесь был такой же ветер, только бьющий теперь в спину. Стало зябко, Петрович натянул воротник халата повыше на шею.

Вскоре Петрович и анестезиолог оказались в небольшом помещении, с несколькими кабинками, похожими на душевые.

– Ребятки, теперь быстро снимаем одежду и под душ, – бодрым голосом отрывисто выпалил один из сопровождаю-

щих.

– А что собственно... – начал Петрович, но резким властным окриком человек в костюме оборвал его и демонстративно постучал по тому месту на руке, где обычно носят часы.

– Что ж, душ так душ... – Петрович зашел в кабинку, огляделся в поисках кранов. Внезапно вода сама полилась через отверстия сверху... но эта вода была синего цвета!

«Куда я попал?» – подумал Петрович. В нос ударил неприятный, даже противный запах.

– Что это?.. Где мы!? Вы кто такие? – вырвалось вслух у Петровича. Никто не ответил.

Он подёргал дверь душевой, но она не открывалась.

Спустя минут 10, как показалось Петровичу, душ отключился. Он вышел, обнаружил рядом с дверью одежду – нечто похожее на больничное белье.

– Для меня – догадался Петрович.

Когда он оделся, в комнату вошел человек в химзащите.

– Оделся? Ну пошли.

Они шли по коридорам и здесь уже не было пластика на стенах. Петровича привели в комнатку без окон, с одной койкой, на которой был лишь кожзамовый матрас.

– Располагайся пока, – бросил мужчина, вышел и громко захлопнул дверь.

Петрович стоял посреди комнатки, изумленный и ничего не понимающий. В голове вместо мыслей носился какой-то

вихрь из обрывков фраз и запечатленных его памятью сцен прошедшего дня. В конце концов он присел на край койки. Затем пересел удобнее, уперся спиной в стену. Последнее что он почувствовал – как глаза почти что сами закрываются, как будто кто-то опустил занавес в его сознании.

Глава 4

Просыпаться очень не хотелось. Очень не хотелось двигаться. Но в какой-то момент Петрович вспомнил о предшествующих приключениях. Сделав над собой усилие, открыл глаза, некоторое время глядя на белый обшарпанный потолок. Зевнул, медленно сел. Поежился, было зябко.

Сквозь окно виднелось пасмурное холодное серое небо. Опять прикрыл глаза, сел поудобнее. Так прошло несколько часов. Петрович иногда вставал, пробовал стучать в дверь и звать, но никто не откликнулся. Вдруг раздался резкий громкий хлопок. Петрович вздрогнул от неожиданности: «Выстрел?»

Виталий Петрович, пригнувшись, снова приблизился к окну, пытаясь разглядеть сквозь кроны деревьев, что происходит на улице. Вдруг раздалось еще несколько выстрелов, потом воздух распорол очередь, другая... Петровича дернуло как от удара молнии – это резко щелкнувший замок сзади так подействовал на его взвинченные нервы. Он резко обернулся – в дверях стоял незнакомый ему, высокий человек, на этот раз без химзащиты и респиратора. Одет он был в щегольской черный костюм, под которым виднелся воротник белоснежной рубашки.

– Здравствуйте! Как Вы?

Петрович стушевался...

– Я? Ничего... Но в каком смысле? Вы кто?

Вместо ответа человек бросил бесцветным голосом:

– Идемте со мной.

Они быстрым шагом миновали пустой коридор, затем поднялись по такой же пустой лестнице на этаж выше. Зашли в помещение с надписью «Приемная». Незнакомый человек сухо предложил Петровичу:

– Садитесь.

– Вы в курсе что здесь происходит?

Вопрос был неожиданным для Виталия Петровича. Он неопределенно пожал плечами.

Тогда незнакомец продолжил:

– Вы, собственно, нам не нужны, посидите на карантине 3 дня и можете идти куда хотите, – нахально ухмыльнулся и продолжил, – тут распишитесь.

– Зачем? – поинтересовался Петрович, разглядывая лист формата А4 с несколькими строками печатного текста.

– Так надо.

– А можно не подписывать? – Петрович потерял интерес к бумажке и разглядывал старый, с потрескавшимся лаком письменный стол.

От внезапного удара в лицо Петрович чуть не упал, в голове зазвенело.

– Будем подписывать?

– Да... – сдавлено ответил Петрович. Теперь у него вдруг появилось очень сильное желание прочесть текст, но он успел только разобрать: «...оперативный штаб межведомственной комиссии по ликвидации очага распространения алиентных РНК содержащих объектов...», – неожиданно на голову обрушился второй удар.

– побыстрее, доктор.

Петрович, пошатываясь приблизился к столу и поставил загогулину в листе. На этот раз он не сводил глаз с человека по другую сторону стола. Внезапно дверь открылась, зашел военный в камуфляже и респираторе, бросил Петровичу:

– Руки! – Щелкнули наручники.

Обратный путь Петрович и военный проделали в тишине, выстрелы на улице закончились. Мелькнула мысль: он мог бы попробовать неожиданным ударом повалить конвоира, как это делают в кино... Однако мысль эту он тут же отбросил, как идиотскую. Голова все еще кружилась, было ясно, что такая попытка, скорее всего, закончится плачевно.

Наконец они вернулись к комнате, из которой Петровича забирали. Конвоир снял наручники, Петрович вошел обратно в свою комнату, щелкнул замок. Виталий сел на койку. Мысли путались и бессвязно кружились вихрем в голове. Вдруг с улицы вновь донеслись выстрелы. Один... Потом

еще один... Вот сухо защелкали прерывистые очереди! Выстрелы захлопали около здания, они нарастали и вдруг слились в настоящую канонаду...

Внезапно, поддавшись инстинктивному порыву, Виталий вскочил и яростно стал бить ногами по раме окна, затем, когда осыпались со звоном стекла – по металлической решетке, что была за окном. Виталий с перекосившемся от напряжения лицом схватил металлическую койку и как тараном стал бить по переплету решетки. Металлическая конструкция не поддавалась.

Тогда Виталию пришла в голову мысль попробовать использовать кровать как рычаг, просунув одну из ножек между кирпичной стеной и рамой металлической решетки. Предельным напряжением сил ему вдруг удалось немного отогнуть часть решетки. Петрович продолжал кряхтеть и давил на кровать до потемнения в глазах. Вдруг один из подогнувшихся прутьев лопнул. Еще немного усилий и вот, в решетке есть небольшой проем, через который можно было попытаться выбраться. Виталий присел на полминуты, чтобы отдышаться...

Болела спина, ныли руки. Но на улице уже стихали выстрелы, надо было спешить. Задом, неловко задирая ноги, Виталий пытался пролезть в проем. Арматура решетки больно сдавила бока, Виталий извивался, пытаясь ужом про-

скользнуть через дыру. Отчаянно рванув в проем, он внезапно проскользнул, но не удержался за окном и почти вывалился наружу, за стену. Каким-то чудом повис на одной руке, потом раскорячившись на стене, нащупал едва заметный упор одной ногой.

Он взглянул вниз. Было довольно высоко, он висел на окне третьего этажа. А ведь до этого он даже не задумывался о том, как он будет спускаться и насколько высоко расположена его комната! Однако в полуметре от него обнадеживающе свисала довольно толстая ветка высокого дерева. Виталий подумал, что мог-бы попытаться оттолкнуться от стены и одновременно ухватится вытянутой рукой за эту ветку. Что ж, сказано – сделано! Происходящее дальше запомнилось смутно: падение происходило столь стремительно, что Петрович не успел даже испугаться.

За ветку ему действительно удалось схватиться, но ветка тут же с громким треском обломилась. Однако же она несколько замедлила падение, цепляясь за сучки и ветки нижнего яруса дерева... Спустя несколько мгновений Петрович оказался на земле и мычал от пронзившей, как будто мощным ударом электрического тока, боли в ноге.

Так прошло еще несколько минут, боль начала понемногу отпускать. Наконец Виталий смог заставить себя оглянуться по сторонам. Улица выглядела пустой, выстрелы стихли.

На вид это была улица типичного поселка городского типа – ряд четырехэтажных, серых, кирпичных зданий, асфальтовая неровная, разбитая дорога уходила куда-то за деревья.

Петрович собрался с силами и как можно быстрее заковылял прочь, стараясь оставаться за деревьями или пригибаться за кустами. В конце концов, он добрался до угла дома, где были достаточно буйные кустарниковые заросли, там он лег и дальше просто полз. Спустя какое-то время он заметил, что стало темнее и холоднее. Солнце понемногу заходило за горизонт. На улицах поселка было удивительно тихо.

Виталий видимо добрался до окраины – тут заканчивались многоэтажные дома, и сразу начинался лес. Виталий встал, зашагал так быстро, насколько позволяло его состояние. Направление он выбрал наугад, туда, где как ему казалось, находится город. Он не был уверен в правильности пути, но решил, что чем дальше он будет от поселка-тюрьмы, тем лучше. В конце концов наступила ночь. Стало холодно, хотелось есть и пить. Петрович остановился среди деревьев и вдруг понял, насколько он устал. Очень хотелось спать.

Он уже даже собрался просто лечь на землю и уснуть, однако вдруг подумал, что это довольно жутковато, так вот ночевать в лесу, в незнакомом месте, не зная, что происходит в округе. Он собрался с силами и влез на подходящее дерево, чтобы заночевать.

Попытался расположиться на нескольких, что были потолще ветках. От усталости практически сразу провалился в сон. Несколько раз он просыпался – его пугали какие-то вскрики и шумы, хруст веток внизу. Как вбреду он озираясь, пытаясь разглядеть что ни будь в темени и незаметно для себя проваливался обратно в сон.

Под утро стало чуть светлее и заметно спокойнее, но очень холодно. Петрович дрожал, но продолжал спать. В конце концов холод и боли в спине и конечностях от неудобного положения взяли вверх, и Виталий открыл глаза. Солнце вставало над деревьями, роса сверкала на траве, птичье пение наполняло лес. Виталий Петрович, кряхтя размял конечности и начал понемногу, не спеша слезать вниз.

Все произошедшее вчера с Петровичем казалось каким-то нереальным, кошмарным сном. Петрович подумал: «Наверно я скажу с ума? Может это все какие-то галлюцинации, которые загнали меня на это дерево? Может быть, вообще ничего этого не было? Возможно все воспоминания – это плод моего воображения? А может я в запой ушел после рыбалки и сейчас вообще лежу под капельницей и меня на самом деле откачивают в наркологическом отделении?» – эта мысль даже как-то успокаивала Виталий Петровича. Ему как-то стало уютнее и спокойнее от мысли, что на самом деле он мог находиться не на дереве в лесу, а в горячечном

бреду на проржавевшей койке наркологического отделения. Однако сеанс самовнушения и антистресса был прерван резчайшей болью в травмированной накануне ноге – Петрович как раз достиг последних веток и вынужден был спрыгнуть на землю. Задрав штанину, он взглянул на ногу – голеностоп сильно опух, каждое движение ноги отзывалось болью...

«Что ж, все равно надо идти».

Сделав шаг, Петрович громко ойкнул и неожиданно для себя завалился от боли на бок. Стиснув зубы, медленно и очень осторожно встал на четвереньки. Попробовал встать на здоровую ногу и затем все так же медленно слегка переместить вес на больную ногу. Было больно, но терпимо. Потом он решил попробовать идти маленькими шажками. Слегка подпрыгивая, подволакивая ногу, стараясь избегать резких «прострелов» Петрович упрямо продолжал движение вперед, надеясь разработать ногу.

Спустя час, ковыляя, Петрович двигался по какой-то тропинке. пытаясь ориентироваться по солнцу. Он шел, шел и шел, понемногу привыкнув к постоянным ноющим болям в ноге. Еще через час он расходился, шагая довольно быстро. Наконец он вышел на открытое пространство, взобрался на небольшой холмик и огляделся. Перед ним предстала удивительная картина. Петрович поморгал, закрыл глаза, потом открыл, протер их... Но ничего не изменилось, он видел все то же зеленое небо и кровавый красный горизонт: «Да, черт

возьми, зеленое небо!» Он пытался поднять указательный палец перед своим носом, в надежде что увидит два вместо одного и все сумасшествие вокруг найдет объяснение, но нет: палец был один, голова не кружилась, а небо было зеленое. Или это он видит его зеленым. Петрович начал тихо хихикать, понимая, что его разбирает истерический смех. Внезапно он услышал по-домашнему знакомый звук, даже скорее вой. Рядом была дорога, из-за поворота показалась «буханка». Петровичу сразу же стало легче, ведь этот шум и вид самой «буханки» были свидетельствами реального мира. Вот «буханка» остановилась напротив холма, где стоял Петрович и... кто-то высунулся из окна и помахал Петровичу. Петрович, блаженно улыбаясь, помахал в ответ. Кажется, люди из «буханки» не собирались гнаться за ним. Водила не был похож на людей из спецслужб, обычное обветренное, прокуренное, красноватое лицо человека за пятьдесят... Петрович заковылял к «буханке». Зеленое небо доконало его, он отчаянно нуждался в помощи...